

© Петров И.И.¹

Три европейских партийных полюса и начало второго президентского срока Дональда Трампа

***Аннотация.** В статье анализируется отношение трех «полюсов» европейской партийной политики – правоцентристов, левоцентристов и правопопулистов – к избранию Дональда Трампа 47-м президентом США, а также разбирается вопрос о том, возможно ли осуществление схожего сценария в Западной Европе в случае прихода к власти «большой коалиции», состоящей из представителей недовольных граждан, старого среднего класса и бизнес-сообщества. В качестве теоретической базы, позволяющей объяснить подъем «трамповской коалиции» в США, автор использует концепцию размежеваний, привязанную к классовому делению общества. Описывая особенности институционализации нового глобально-ценностного размежевания в странах «коллективного Запада», автор приходит к выводу, что в западноевропейских странах формирование коалиции «трамповского» типа крайне маловероятно: этому препятствует ряд структурных и институциональных факторов, таких как коалиционность многопартийных европейских правительств, наличие устойчивой модели государства всеобщего благосостояния, которую поддерживает основная масса левоцентристских избирателей, заинтересованность правоцентристских партий в модернизационном росте за счет использования имеющихся правил и институтов ЕС, а также невозможность для малых государств, вовлеченных в тесное сотрудничество друг с*

¹ **Петров Иван Игоревич** – кандидат политических наук, преподаватель, Департамент политики и управления, НИУ ВШЭ (iip95d@gmail.com). ORCID: 0000-0003-3856-2503.

другом, скопировать изоляционистскую модель, сделав ее достаточно привлекательной для массового избирателя. Тем не менее автор подчеркивает, что европейский консенсус будет иметь долгосрочную устойчивость только в условиях постепенного реформирования европейской модели, направленного на недопущение стагнации экономики и ухудшения положения большинства европейских граждан. Для подтверждения сделанных выводов относительно того, что европейский партийный спектр может рассматриваться лишь в своей целостности, автор осуществил качественный контент-анализ записей политических дебатов, сопровождавших последние парламентские выборы в Нидерландах, Франции и Германии. Результаты исследования показали, что каждый из трех «полюсов» имеет свой ограниченный сегмент ядерного электората, что исключает возможность сформировать победный альянс под правопопулистскими лозунгами в большинстве стран региона.

Ключевые слова: политические партии, партийные системы, популизм, Европейский союз, Трамп, выборы, теория размежеваний, Нидерланды, Франция, Германия.

Феномен Дональда Трампа в сравнительной перспективе

Возвращение Дональда Трампа в президентское кресло в качестве 47-го президента США в ноябре 2025 г. породило мощнейшую медийную реакцию, связанную с противоречивым образом и риторикой победителя, позиционирующего собственный перспективный курс во внешней и внутренней политике в качестве жесткой альтернативы курсу предыдущей администрации Джо Байдена. Одним из важнейших аспектов противостояния кандидатов на последних американских выборах стало очевидное углубление поляризации в американском обществе, связанное в том числе с ценностными расхождениями между консервативным электоратом, традиционной опорой которого являются центральные и южные штаты, и прогрессивным электоратом, сконцентрированным в урбанизированных штатах северо-западного и восточного побережий. Говоря о победе Дональда Трампа на выборах, необходимо отметить, что их результаты, как и итоги параллельных выборов в Палату представителей американского Конгресса, продемонстрировали важный сдвиг в позициях американского электората. Так, если раньше «цветные» американцы, как и представители рабочего класса, традиционно были электоральной базой демократов, то на нынешних выборах многие их голоса были отданы Трампу и рес-

публиканцам. Причиной этого можно было бы считать разочарование в экономической политике прошлой администрации, однако, как ни парадоксально, это произошло на фоне относительно успешных антиинфляционных мер и устойчивого экономического роста, достигнутого к концу срока Джо Байдена.

Более того, анализ предвыборных обещаний Трампа (как и его первых действий на президентском посту) показывает, что он проводил предвыборную кампанию с опорой на крайне пеструю коалицию, интересы отдельных частей которой сильно противоречат друг другу. Примером может служить упомянутое выше объединение многих «цветных» избирателей из социальных низов с белыми традиционалистами из сельской местности Среднего Запада, которых привлекла социально-консервативная, антимигрантская и временами расистская риторика нового президента США. Не менее парадоксально одновременное голосование за Трампа, с одной стороны, промышленных рабочих из депрессивных регионов, а с другой – крупных капиталистов и представителей традиционного республиканского истеблишмента, выступающих за жесткую дерегуляцию экономики и предоставление преференций цифровым гигантам. Анализ энергичных мер, предпринятых Трампом после победы на выборах, показывает, что в его политическом курсе сочетаются ряд эклектичных элементов: вместе взятые, они свидетельствуют о разрыве нынешней администрации не только с политикой Джо Байдена, но и с подходами республиканцев послевоенной эпохи.

Одним из объяснений «электорального парадокса» Трампа является постулат о глобальной переориентации партийных полюсов в современном мире, связанной с активизацией так называемого постиндустриального (или, в других терминах, – глобально-ценностного) размежевания¹. Данное размежевание, о котором писали Р. Инглхарт и П. Ноппис [Inglehart, Norris, 2016], Г. Китшельт и Ф. Рем [Kitschelt, Rehm, 2015] и другие (см., напр.: [European party ... , 2019 ; Cleavage ... , 2021]), сочетает в себе несколько измерений, дополняющих и на определенном этапе «опрокидывающих» традиционное лево-правое деление, характерное как раз для американской партийной системы.

¹ Имеется в виду теория социально-экономических размежеваний Липсета-Роккана [Lipset, Rokkan, 1967].

Глобальный аспект данного размежевания показывает, что в ходе глобализации разные классы общества по-разному восприняли ее эффекты. Так, если для одной части среднего класса глобализация стала мощным вертикальным лифтом, то для другой, в особенности для малых производителей, – угрозой социальному благополучию, сопряженной со стагнацией дохода и потерей чувства защищенности. Аналогично, если одна часть рабочего класса приветствовала такие проявления глобализации, как возникновение новых моделей производства и потребления, основанных на ключевой значимости образования, то другая – столкнулась с серьезными материальными проблемами на фоне переноса производств в страны с дешевой рабочей силой, распространения временных контрактов и в целом снижения влияния неквалифицированных рабочих на политику.

В свою очередь, ценностный аспект нового размежевания указывает, что в ходе культурной модернизации, затронувшей страны «коллективного Запада» в последней трети XX в., оказалось, что не все социальные вопросы возможно решить в рамках традиционных дебатов между консерваторами и либералами. Согласно ценностной теории Р. Инглхарта и П. Норрис [Inglehart, Norris, 2016], процесс формирования постиндустриального общества сопровождается распространением ценностей личной и групповой эмансипации, при этом доминирование жестких групповых идентичностей уступает место рациональному компромиссу. Между тем фактический провал постиндустриального перехода для тех или иных групп населения способствует «откату» их мировоззрения к идеям, связанным с построением общества, основанного на приоритете безопасности, недоверии к чужакам и защите «традиционных» общественных установок в противовес тому, что воспринимается как угроза и характерная примета «испортившейся» социальной реальности. Учитывая, что в настоящий момент в большинстве развитых стран национальная идентичность делается все более «размытой» категорией, в процессе постиндустриального размежевания она становится ареной острой борьбы, поскольку может быть пересобрана как на основании новых элементов, отображающих динамику изменений внутри общества, так и на основании мифов, описывающих воображаемый «золотой век» безмятежного и упорядоченного прошлого.

Лозунг Дональда Трампа «сделать Америку снова великой» (англ. Make America Great Again), вокруг которого сплотилась вы-

шеописанная «противоестественная» коалиция разнородных социальных сил, отчетливо указывает на второй вариант «переизобретения» национальной идентичности в противовес нынешнему положению дел, при котором, вопреки формальным улучшениям, многие граждане оказались неспособны обрести желанную для себя позицию.

Таким образом, формирование «трамповской коалиции» и последовавший разворот в американской политике можно логично объяснить воздействием глобально-ценностного размежевания на американское общество. И данный эффект, очевидно, был усилен институционально за счет наличия сильного института президентства при двухпартийной системе с мажоритарной избирательной нормой. Вопреки классическому утверждению Э. Даунса о склонности двухпартийных систем к центризму [Downs, 1957], наличие только двух опций для избирателей, разделенных по многочисленным признакам глобально-ценностного размежевания, позволило Трампу в американской избирательной кампании 2024 г. сформировать победившее большинство, сплотившееся вокруг достаточно радикальных позиций корневого правого электората.

Европейские партийные системы выстроены по противоположному принципу: для них характерны высокий уровень партийной фрагментации и сочетание парламентской / смешанной формы правления с пропорциональной / двухтуровой избирательной системой. Тем не менее в Европе также фиксируется развитие схожих тенденций, свидетельствующих о воздействии на общество глобально-ценностной поляризации.

Прежде всего, следует отметить постепенное сокращение числа голосов, подающихся за основные центристские партии – правоцентристскую и левоцентристскую, – и численный рост электората партий нового типа, среди которых преобладают партии, обычно именующиеся право-популистскими [Макаренко, Петров, 2023]. Повестка право-популистских партий – нативистская, антимигрантская, нелиберальная – схожа с позицией Трампа и его новой администрации. Наиболее яркими событиями первых месяцев нового срока Дональда Трампа на посту президента США, продемонстрировавшими наличие солидарности между американским президентом и европейскими правыми популистами, стали публичная поддержка партии «Альтернатива для Германии» ближайшим советником Трампа и главным инвестором его избирательной кампании Илоном Маском [McCluskey, Shukla, 2025], а

также речь вице-президента Джей Ди Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности [Roth, 2025], в которой он обрушился с критикой на страны Евросоюза, фактически обвинив их правительства в отказе следовать идеям правых популистов в политике и признавать легитимность право-популистского взгляда на будущее ЕС.

Резкая негативная реакция на заявления Маска и Вэнса со стороны таких разных политиков, как премьер-министр Великобритании от Лейбористской партии Кир Стармер и лидер ХДС, нынешний канцлер Германии Фридрих Мерц, показала, что идеологические противоречия в отношениях между европейскими партиями и администрацией Трампа потенциально могут играть не меньшую роль, чем международные интересы. Между тем именно на уровне международных интересов в увязке с желанием американского президента ограничить масштаб союзнических отношений с ЕС обнаруживается интересный аспект: дело в том, что в настоящее время в авангарде строительства альтернативной системы безопасности в Европе находятся политики, ранее ассоциировавшиеся с лояльным и компромиссным отношением к президенту США, – президент Франции Эммануэль Макрон, премьер-министр Польши Дональд Туск, бывший премьер-министр Нидерландов и нынешний генеральный секретарь НАТО Марк Рютте, а также вышеупомянутый премьер-министр Великобритании Кир Стармер, стремящийся выторговать «особые условия» в торговле между своей страной и США. С позиции политического реализма, к которой склоняется администрация Трампа, именно лидеры крупных европейских стран могут стать фигурами, которые обеспечат достижение ряда общих целей (в частности – рост доли оборонных расходов союзников в рамках НАТО).

Тем не менее остается открытым вопрос, могут ли идеологические расхождения между европейскими правительствами и президентом США, обусловленные позиционированием не по правовому, а по глобально-ценностному размежеванию, стать решающим фактором в перестройке диалога между Европой и США и его сдвиге в сторону отношений между политическими силами, находящимися на разных концах политического спектра. Последнее, как нам представляется, во многом зависит от позиционирования самих европейских партий, а также от природы структурных отношений между ними. Если предположить, что партийный спектр Европы по своей природе аналогичен американскому поли-

тическому спектру, то политический разворот Трампа может стать «козырем» в руках европейских партий, имеющих политическую повестку, схожую с повесткой администрации Трампа, и стимулировать неформальное сближение американской администрации и набирающих популярность право-популистов с расчетом на победу последних на будущих выборах. Наоборот, если признать, что межпартийные отношения в Европе совершенно не схожи с межпартийными отношениями в США, то формирование коалиции избирателей «трамповского» типа в Европе, как и осуществление радикального разворота в политике, представляется маловероятным, и в обозримой перспективе можно ожидать не только сохранения текущего положения дел, но и дальнейшей консолидации европейского центризма под давлением внешних вызовов.

В рамках статьи мы постараемся прояснить данный вопрос, проанализировав природу трехполюсного партийного спектра в странах ЕС. *Объектом* исследования для нас станут страны Европы за исключением посткоммунистических, но для краткости далее мы будем говорить о выбранных объектах исследования просто как о европейских странах. *Целью* исследования является сравнение социальной базы трех партийных полюсов с социальной базой Дональда Трампа в контексте предлагаемой ими повестки и институциональных условий формирования правительств в странах ЕС. В качестве *вывода* мы постараемся оценить, насколько вероятно в странах Европы осуществление поворота, подобного тому, который совершил в США Дональд Трамп.

Три полюса европейской партийной политики

Представление о том, что в партийных системах стран современной Европы существуют три полюса, восходит к серии ключевых работ, касающихся классового деления и голосования в обществах, испытавших воздействие глобализации и постиндустриального сдвига.

Прежняя эмпирически проработанная теория, представленная в работах Д. Оэша и Л. Реннвальд (см., напр.: [Oesch, Rennwald, 2018]), описывала распределение электоральных предпочтений избирателей из восьми социальных классов между *двумя электоральными полюсами* – левоцентристским (социал-демократия) и правоцентристским (современный консерватизм / христианская демократия).

Таблица 1

**Электоральные предпочтения социальных классов,
согласно Оэшу и Реннвальду**

Класс	Предпочтения
Крупные работодатели и высокооплачиваемые профессионалы	Правый центр
Управляющие	Правый центр
Технические специалисты	Правый или Левый центр
Социо-культурные профессионалы	Левый центр
Производственные рабочие	Левый центр
Работники сферы услуг	?
Служащие	?
Владельцы малого бизнеса	?

Источник: составлено автором по: [Oesch, Rennwald, 2018]

Как видно из таблицы 1, выраженные предпочтения при голосовании имеют не все социальные классы. За кого же тогда голосуют оставшиеся избиратели?

Согласно теории *трех электоральных полюсов*, глобальных вариантов всего три, несмотря на наличие большего числа опций.

Если избиратель позиционирует себя в качестве человека, обладающего обширным социальным капиталом, то, скорее всего, он будет делать выбор либо между двумя основными центристскими партиями, либо между центристскими партиями и партиями новой альтернативы («зелёные» или малые либеральные партии, которые, однако, являются всего лишь иным воплощением двух первых полюсов). Высокий уровень образования (возможно, в сочетании с молодостью и приверженностью секулярным установкам) является сильным предикатором голосования за непопулистские партии нового типа, существующие в качестве альтернативы для избирателя, способного рационально корректировать свое отношение к политике партий-лидеров в условиях постиндустриального сдвига [Cleavage ... , 2021]. Помимо прочего, данные партии часто делают ставку на электоральные группы, которым традиционные политические силы уделяют сравнительно меньше внимания (в частности, среди избирателей «зелёных» партий много женщин) [Ibid.].

В случае же, когда избиратель чувствует себя проигравшим от глобализации, неспособным контролировать свою жизнь, если он разочарован в существующей общественной модели, возможной альтернативой для него становится сформировавшийся в

недавнем прошлом третий полюс европейских партийных систем – право-популистские партии. Интересно, что собственного ядра избирателей у правых популистов нет [Oesch, Rennwald, 2018]. Можно, однако, четко определить тех, кто не попадает в сферу воздействия право-популистской риторики [Cleavage ... , 2021]: во-первых, профсоюзные рабочие и носители социально-левых взглядов, делающие выбор между голосованием за социал-демократов и абсентеизмом / голосованием за малую левую партию, если им кажется, что социал-демократы не защищают интересы рабочего класса; во-вторых, религиозные избиратели, делающие выбор в пользу консервативно-христианских сил, имеющих в Европе четкую связь с респектабельным правоцентризмом; в-третьих, и в основных, образованные избиратели, следующие соответствующей карьерной траектории.

Хотя повышение степени недовольства среднего избирателя приводит к росту числа голосов, отданных за популистские партии, секрет их успеха во многом кроется в способности переманивать на свою сторону «пограничных» избирателей, имеющих антилиберальные взгляды или испытывающих определенные страхи. Важнейший инструмент правых популистов – введение в фокус избирательной кампании острых тем, связанных с миграцией и налоговым бременем, которые являются ключевыми для данных партий. Парадоксально, что при этом уровень реальной миграции в регионе почти не оказывает воздействия на голосование за правых популистов, и наоборот – внимание ведущих партий к этой теме, подкрепленное ее негативным освещением, делает положение право-популистских партий более устойчивым [Dalton, 2018].

Освещение особенностей функционирования трехполюсной партийной системы в современной Европе было бы неполным без упоминания о вариативности реальных проблем, которые стремятся решить европейские партии. Прежде всего, речь идет о том, что поддержка конкурентоспособности европейской экономики в условиях глобализации начинает играть первостепенную роль. Между тем дизайн социально-экономической политики стран Европы, как и ЕС в целом, является предметом соревнования между правоцентристской и левоцентристской платформами. При этом, в отличие от США, где повестка левоцентристской Демократической партии ближе к всеохватной модели, в то время как Республиканская партия следует четким программным установкам, европейская политика строится по противоположному принципу [Globalization ... , 2006].

Так, в Европе, как правило, именно правоцентристские партии предлагают более всеохватную модель политики, построенную на эффективных решениях, способствующих экономическому росту и модернизации за счет налоговых послаблений, инфраструктурных инвестиций и дерегуляции, хотя это ограничивает их возможности по удержанию власти с опорой на союз между крупным бизнесом и многочисленными нелиберально настроенными противниками глобализации. Положение Евросоюза, как экономики с более возрастным населением, нежели в США, и стран – участниц ЕС, которые в большинстве своем способны экономически успешно функционировать только в условиях общего рынка, также ограничивает возможности европейских правых партий по установлению связей с партиями отчетливо антиевропейской и протекционистской направленности. Пример Брекзита лишь подчеркивает эту закономерность: на фоне трагического для Консервативной партии исхода выборов 2024 г. и возвышения право-популистской партии «Реформировать Соединенное Королевство», спровоцированного, в том числе, антиевропейской риторикой самих консерваторов, становится ясно видна проблематичность подобного курса для респектабельных правоцентристских сил.

Напротив, программными партиями, имеющими мощное ядро постоянных избирателей, в современной Европе являются партии, занимающие левый / социал-демократический полюс. Именно социал-демократы являются основными приверженцами реализации модели социального государства, некогда превратившей Европу в территорию сравнительного благополучия. Рассматривая институты ЕС как инструмент для установления контроля над рыночной стихией и строго придерживаясь прогрессивных ценностей, социал-демократы, возможно, «теряют очки» в конкуренции с иными партиями (в среднем они потеряли 10% голосов за последние 20 лет, в то время как на долю правых популистов пришелся аналогичный прирост). Однако исследования показывают, что многие избиратели, поддерживающие прогрессивные ценности или происходящие из рабочего класса, даже при голосовании за иную силу или отказе от участия в выборах, продолжают воспринимать социал-демократов как партию, близкую им по духу. И, наоборот, правых популистов они не рассматривают в качестве близкой силы [Bremer, Rennwald, 2023].

Еще один важный момент в изучении функционирования трехполюсной системы – региональные и институциональные раз-

личия между европейскими странами. Так, для стран Южной Европы характерна интеграция традиционного право-левого размежевания с новым глобально-ценностным [European party ... , 2019]. Этим, в частности, объясняются возникновение лево-популистских партий в данном регионе («Подemos», СИРИЗА, «Движение пяти звезд»), а также успешная интеграция право-популистской партии «Братья Италии» в состав большой правой коалиции, в рамках которой правительство Джорджи Мелони перешло на более проевропейские и умеренные позиции, быстро скорректировав свои радикальные предвыборные обещания. Напротив, в странах Северной Европы с их коалиционными правительствами и сегментированным электоратом, формирование новых партий способствует расширению партийного спектра, но препятствует приходу к власти какой-либо новой силы без ее вовлеченности в сложную систему соглашений с партнерами, в рамках которой ни один из полюсов не может претендовать на электоральное господство без апелляции к центру. При этом партии, последовательно действующие вопреки общему консенсусу, обречены на изоляцию.

Подводя итоги, можно заключить, что европейская трехполюсная партийная система практически исключает возможность формирования электорального альянса, подобного тому, который привел к власти Дональда Трампа. Этому способствует ряд структурных и институциональных факторов. Во-первых, наличие сильных многопартийных парламентов, действующих в условиях сегментации электората, в рамках которой численность потенциальных сторонников право-популистской повестки оказывается структурно ограниченной (прежде всего – за счет многих представителей среднего и рабочего классов, отвергающих союз с популистами). Во-вторых, наличие определенных ограничений в социально-экономической модели ЕС, предполагающих необходимость межгосударственной кооперации, основанной на признании общих целей и ценностей, для проведения успешной политики (в том числе – в сфере миграции). В-третьих, продвижение идей сохранения прогрессивного социального государства, которые имеют гораздо более обширную базу поддержки среди разных партий, чем правый популизм. Наконец, в-четвертых, нельзя не упомянуть об особенностях самопозиционирования европейских правоцентристов, готовых на тесное сотрудничество с левыми силами для реализации имеющихся возможностей модернизационного развития, основанного на использовании институтов и правил ЕС и на фор-

мировании общественного консенсуса в пользу ускорения развития и проведения реформ, что совершенно несовместимо ни с ценностями, ни с электоральной логикой крайне правых и делает практически невозможным образование потенциальной коалиции «трамповского» типа.

Единственное возражение, которое может стать контраргументом в данных рассуждениях, – это вопрос о сохранении поступательного движения европейского общества, включая функциональность модели государства всеобщего благосостояния. На фоне постоянных кризисов, характерных для сегодняшней Европы, правый популизм переживает бум. Поэтому выбор оптимальной стратегии модернизации, направленной на возобновление экономического роста, плоды которого станут доступны большинству граждан, является главным условием долгосрочного функционирования политической системы европейских стран. Лишь при сохранении значимого акцента на данной повестке нынешние центристские партии смогут сохранить устойчивость перед лицом фрагментации, популизма и отчуждения части электората от политической системы. Модернизационные усилия в рамках ЕС, в свою очередь, потребуют установления более оптимального баланса в решении острых вопросов (в частности, связанных с миграцией), чтобы можно было говорить о формировании консенсуса, отображающего текущую стадию трансформации социума.

Таким образом, глубокая интеграция в свои программы элементов центристской повестки является важнейшей задачей для партий, рассчитывающих на коалиционное сотрудничество и долгосрочную поддержку большинства европейских избирателей. Однозначная поддержка повестки новой администрации Трампа в Европе возможна лишь среди партий, осознающих незначительность своих шансов возглавить правительство или выйти за пределы ниши разочарованных избирателей. Наоборот, осторожность или консолидация в противовес давлению со стороны США представляется наиболее ожидаемой реакцией как со стороны обоих центристских полюсов, заинтересованных в сплочении общества, так и со стороны тех право-популистских партий, которые стремятся войти в коалицию или, как в случае «Национального объединения» во Франции, получить признание среднего избирателя.

Выборы в трех европейских странах: сравнение партийной повестки в ходе недавних парламентских выборов

В заключительной части работы мы постараемся подтвердить представленные выше выводы, обратившись к недавним электоральным кампаниям в трех крупных странах Европы – Нидерландах, Франции и Германии.

Предметом изучения в данном случае было позиционирование ключевых партий, представляющих три полюса европейской партийной политики. *Источниками* для анализа стали записи теледебатов, так как в данном формате лидеры партий имели возможность четко высказать свои приоритеты и показать отличие своей партии от других в декларируемых ценностях и подходах, повторяя в разной форме свой основной месседж. *Методом* анализа был избран качественный контент-анализ, позволяющий рассмотреть позиции партий по основным темам, предложенным для обсуждения ведущими. При выборе записей теледебатов приоритет отдавался более поздним записям (финальный тур), записям с основных телеканалов, записям с присутствием всех ключевых кандидатов, дебатам в традиционном формате (ответы и обмен репликами по предложенным темам). Анализ высказываний осуществлялся по расшифровкам, переведенным на русский язык. Для уточнения содержания высказываний также использовалась информация с официальных сайтов партий (см. табл. 2).

Таблица 2

Проанализированные теледебаты

Страна	Дата, телеканал, длительность
Нидерланды	20 ноября 2023, NPO, 50 мин.
Франция	25 июля 2024, TF1, 110 мин.
	27 июля 2024, France2, 120 мин.
Германия	20 февраля 2025, ZDF, 90 мин.

Источник: составлено автором.

Согласно нашим предположениям, анализ дебатов должен был подтвердить: а) приверженность правоцентристских партий поиску модернизационных решений при отрицании ими правопопулистской риторики; б) ориентацию левоцентристских партий на «устойчивых» избирателей, поддерживающих идеи прогрессивизма

и социального государства; в) стремление право-популистских партий не входить в прямое противоречие с общеевропейским консенсусом и апеллировать к конкретным темам, привлекающим избирателей, недовольных нарастанием повседневных проблем. Кроме того, мы предполагали, что, анализируя теледебаты, проводившиеся в разных странах с определенным временным лагом, мы сможем продемонстрировать устойчивость данных паттернов, свойственных современной Европе, что позволит заключить, что возвращение Дональда Трампа и его отношение к европейской повестке вряд ли окажут существенное влияние на сложившуюся в Европе структуру межпартийной борьбы.

А) Выборы 2023 г. в Нидерландах

Досрочные выборы 2023 г. в Нидерландах прошли после того, как премьер-министр Марк Рютте объявил об отставке своего четвертого кабинета, в котором ведущей силой была правоцентристская Народная партия за свободу и демократию, возглавлявшая коалиционное правительство с 2010 г. Основными темами предвыборных дебатов стали проблемы миграции, дефицит доступного жилья и рост цен за электроэнергию. Хотя по итогам выборов первое место заняли правые популисты, чувствовавшие себя уверенно при обсуждении данной повестки, центристские партии смогли сформировать коалиционный кабинет – с участием правых популистов, но со своим доминированием.

В рамках проведенного исследования мы проанализировали позиции Партии свободы (правый популизм, первое место), альянса «Зелёные левые – Партия труда» (левоцентризм, второе место) и Народной партии за свободу и демократию (правоцентризм, третье место). Позиции партий, занявших на выборах четвертое–пятое места, в соответствии с нашими ожиданиями, представляли собой альтернативный образ позиций центристских полюсов, а не принципиально иную повестку, требующую отдельного рассмотрения.

В отличие от право-популистских партий Германии и Франции, Партия свободы продвигала концепцию своей страны как малого государства, которое уже перевыполнило квоты по приему мигрантов и беженцев, вносит ничтожный вклад в загрязнение климата и испытывает определенные трудности, преодолевая издержки «зелёного перехода» в виде роста налогов и цен на энергоресурсы. В качестве перспективных экономических мер правые популисты

предлагали сократить НДС и отказаться от климатических субсидий. Также они требовали принять меры для защиты фермеров от давления единого рынка ЕС.

Правоцентристская Народная партия за свободу и демократию придерживалась противоположной позиции по вопросу миграции, утверждая, что принимать беженцев требует моральный долг и что Нидерландам выгодно привлекать иностранных студентов и следовать трансграничным соглашениям ЕС по перемещению труда. Но основной акцент правоцентристы делали на экономических мерах: снижении налога на труд, внедрении гибких контрактов при найме, упрощении бюрократических процедур. Поддерживая в целом «зелёный» курс, Народная партия тем не менее активно вступала за строительство АЭС, вопреки оппозиции со стороны левых партий.

Важнейшими темами дебатов для левоцентристского альянса «Зелёные левые – Партия труда» стали экология и социальная справедливость. Высказывая однозначную поддержку «зелёной» политике ЕС, левоцентристы обвиняли прежнее правительство в том, что оно не смогло превратить «зелёную» энергетику в источник инновационного роста, а также в проведении крайне неудовлетворительной социальной политики. В качестве экономических мер левоцентристы предлагали обложить сверхбогатых граждан дополнительным налогом и инвестировать в создание новых рабочих мест. Народная партия в ответ заявила, что такой подход поставит под удар благосостояние граждан и дискриминирует средний класс.

Консервативная партия «Новый общественный договор» (четвертое место) во время дебатов делала акцент на необходимости ужесточить миграционную политику, в то время как либеральная партия «Демократы-66» (пятое место) – на неспособности прежнего правительства запустить экологические инновации.

Таким образом, политический расклад в многопартийных Нидерландах хорошо вписывается в трехполюсную структуру, предполагающую более адресное обращение к электорату и большую вариативность в предоставлении альтернативных решений центристского толка. При этом повестка Партии свободы, вопреки ее относительно правым экономическим лозунгам и вниманию к теме миграции, сравнительно далека от «стандартов», заданных Трампом.

Б) Выборы 2024 г. во Франции

Досрочные выборы 2024 г. во Франции прошли вслед за роспуском Национального собрания после победы право-популистского Национального объединения на выборах в Европарламент. При этом президент Эммануэль Макрон опасался, что с текущей расстановкой сил будет невозможно принять нужный годовой бюджет.

В рамках исследования мы проанализировали позиции пропрезидентского партийного блока «Вместе за Республику» (правоцентризм, третье место), коалиции левых сил «Новый народный фронт» (левоцентризм, второе место) и Национального объединения (правый популизм, первое место), совокупно получивших почти все парламентские мандаты.

Ключевыми темами дебатов между лидерами трех политических сил были бюджетные источники социальных расходов (в том числе – в контексте реализованного правительством повышения пенсионного возраста), экология, «зелёный переход», миграция и подростковая преступность.

Обсуждая вопросы, связанные с социальными расходами, Национальное объединение заявляло, что повседневная жизнь простых французов неоправданно подорожала, и настаивало на сокращении НДС на электроэнергию и товары первой необходимости. Обвиняя правительство в излишних тратах на льготы для иностранных компаний и выплаты институтам ЕС, партия предложила провести аудит правительства, отменить повышение пенсионного возраста, а также отменить налоги для трудящихся до 30 лет.

Левоцентристский «Новый народный фронт» по бюджетным вопросам предлагал обеспечить рост экономики за счет стимулирования потребления при резком повышении минимальной заработной платы и привязке к ней пенсий. Источниками пополнения бюджета при этом должен был стать точечный налог на прибыль для крупных компаний и сверхбогатых граждан.

Премьер-министр Габриэль Атталь, представлявший блок «Вместе» в ходе дебатов, посвятил свое выступление преимущественно критике оппонентов, утверждая, что принятие их предложений создаст огромный дефицит в бюджете, возложит бремя налогов на малое число работающих граждан и спровоцирует массовые увольнения из-за увеличения издержек на труд. В качестве перспективных мер по бюджетным вопросам правоцентристы предла-

гали разрабатывать программы адресной помощи и совершенствовать системы накоплений.

При обсуждении экологической повестки «Новый народный фронт» высказывался за ускорение «зелёного перехода» и в поддержку климатических инициатив ЕС; Национальное объединение, напротив, ратовало за реиндустриализацию и автаркию, требовало остановить работу якобы неэффективных ветряных турбин и вернуться к строительству АЭС; блок «Вместе за Республику» отстаивал проведение «зелёной» политики как экономически выгодной, особенно для бедных слоев населения.

При обсуждении вопросов, связанных с миграцией, блок «Вместе за Республику» требовал оперативно депортировать нарушителей закона и укреплять светские основы государства; Национальное объединение настаивало на резком сокращении потока мигрантов, на их депортации, лишении пособий и утверждало, что большинство преступников – выходцы именно из мигрантской среды; «Новый народный фронт», напротив, настаивал на том, что французы – нация мигрантов, а риторика правых партий – следствие их неспособности бороться с транснациональной преступностью и обеспечить финансовую поддержку системы образования.

Таким образом, можно отметить, что политический расклад, выявившийся в ходе дебатов во Франции, в целом также соответствует трехполюсной структуре, хотя левые силы иногда обращались к антиглобалистской (но не антиевропейской) риторике, а правоцентристы в отсутствие внятной модернизационной программы действовали инерционно, порой апеллируя к правопопулистским лозунгам. Национальное объединение также смещало акценты на социальную, более умеренную и всеохватную составляющую своей программы. Тем не менее, хотя подобный расклад несколько напоминает ситуацию в США, очевидно, что при нынешних пропорциях в голосовании (в целом неудачном для правящей партии) правые популисты не смогут взять под свой контроль французский парламент.

В) Выборы 2025 г. в Германии

Досрочные выборы 2025 г. в Германии состоялись после распада правящей «светофорной» коалиции (СДПГ – СвДП – «Зелёные»). Контекст избирательной кампании в значительной степени определяли вопросы безопасности на фоне начала второго президентского срока Дональда Трампа.

В рамках исследования мы проанализировали позиции Христианско-демократического союза (ХДС; правоцентризм, первое место), Социал-демократической партии Германии (СДПГ; левоцентризм, третье место) и «Альтернативы для Германии» (АдГ; правый популизм, второе место).

Ключевым вопросом для ХДС в ходе предвыборной кампании была инициатива по отмене «долгового тормоза» – конституционного требования сбалансированного бюджета, которое, по мнению правоцентристов, мешает развитию немецкой экономики. Представители ХДС утверждали, что дополнительные поступления в бюджет совместно с реформой государственной бюрократии должны дать возможность снизить налоговую нагрузку, инвестировать в инфраструктуру и обеспечить рост оборонных расходов. Вторым по важности для христианских демократов был вопрос построения новой системы безопасности в Европе (в рамках германского лидерства), в том числе – вопрос о возможном возвращении призывной службы. Темы, связанные с ужесточением политики по отношению к мигрантам, хоть и наличествовали в программе партии, в ходе дебатов не поднимались.

СДПГ во время дебатов делала основной акцент на необходимости обеспечить защиту всеобъемлющей модели социального государства, в особенности – обеспечить доступную медицину для граждан. Кроме того, социал-демократы утверждали, что, в отличие от конкурентов, они намерены сохранить социальные расходы на высоком уровне, невзирая на рост расходов на оборону. Для финансирования социальных расходов они предлагали ввести налог на сверхдоходы. Представители ХДС, возражая социал-демократам, указывали на связь налогового бремени с безработицей и предлагали решать проблемы посредством децентрализации социальной сферы с опорой на федерализм.

Особенно важными для СДПГ в ходе дебатов были вопросы «зелёной» энергетики. Характеризуя «зелёный переход» как главный вопрос для нынешнего поколения, представители СДПГ требовали на конституционном уровне решить проблему выбросов парниковых газов, сетовали на слабость рыночных методов регулирования, но все же отмечали, что продвижение к углеродно-нейтральной промышленности является одним из важнейших достижений уходящего правительства.

«Альтернатива для Германии», в свою очередь, строила свою стратегию во время дебатов на двух ключевых посылах. Пер-

вый – отрицание значимости экологических проблем; по мнению АдГ, простые люди страдают от роста счетов за энергоресурсы, и причина этого – объявленная правительством политика «зелёного перехода». Второй посыл АдГ – утверждение, что источником проблем в социальной сфере являются мигранты. Кроме того, представители АдГ неоднократно заявляли, что общество нуждается в порядке и дисциплине, выступали за возобновление работы АЭС на территории Германии, – но последовательно уклонялись от разговоров на темы внешней политики, а тему безопасности стремились свести к нелегальной миграции и росту престижа военной службы.

Структура дебатов в Германии, таким образом, также полностью укладывается в рамки наших предположений, за исключением, возможно, несколько более жесткого позиционирования АдГ (связанного, в том числе, с одобрением действий Трампа). Однако следует отметить, что в целом в течение всей кампании результаты выборов были достаточно предсказуемы и не предполагали возможности для правых популистов вступить в борьбу за поддержку избирателей, стабильно голосующих за ХДС или левоцентристов в лице СДПГ или «Зелёных». Партия «Союз 90 / Зелёные», занявшая четвертое место на выборах с небольшим отрывом от СДПГ, в ходе дебатов также не отступала от левоцентристской повестки, делая основной акцент на дистанцировании от СДПГ, что также соответствовало нашим ожиданиям.

Реакции европейских политиков на политический курс второй президентской администрации Дональда Трампа в целом соответствуют структуре трехполюсного партийного поля Европы. Так, для большинства правоцентристских и левоцентристских партий характерно негативное отношение к первым заявлениям и действиям нового президента США, связанным с пересмотром условий европейской безопасности, торговыми тарифами и в целом со всем тем, что может восприниматься как вмешательство во внутренние дела ЕС. Тем не менее, если оппозиция Трампу со стороны левоцентристских сил в большинстве стран имеет устойчивый идеологический характер, то правоцентристы воспринимают приход Трампа к власти двояко. С одной стороны, анонсированное Трампом введение торговых тарифов на экспорт из стран ЕС становится серьезным вызовом для модернизационных проектов пра-

воцентристских партий, однако, с другой – новая политика США предоставляет европейским лидерам прекрасную возможность для продвижения повестки модернизации и сплочения Европы, а также для критики в адрес правых популистов как близких союзников Трампа (чему благоприятствует и мнение европейского электората: опросы показывают, что большинство европейских избирателей воспринимают действия нового президента США в негативном ключе [Kogomi, 2025]).

Отношение право-популистских партий к политике Трампа разнится в зависимости от страны. Так, если «Альтернатива для Германии», которая *de facto* полностью изолирована от принятия решений, может позиционировать поддержку со стороны американского президента как показатель собственной значимости (особенно с учетом прироста своей популярности на недавних выборах), то французское Национальное объединение, претендующее на реальное участие во власти и стремящееся обрести поддержку среднего избирателя, вынуждено дистанцироваться от заявлений и действий президента США, которые негативно воспринимаются обществом [Guilloc, 2025]. Особым случаем является позиция премьер-министра Италии Джорджи Мелони, которая еще недавно гордилась тем, что стала единственным европейским лидером, приглашенным на инаугурацию Трампа, а ныне вынуждена действовать наперекор его требованиям [Balmer, Amante, 2025]. На наднациональном уровне крупнейшая крайне правая фракция Европарламента «Патриоты за Европу» выразила поддержку Трампу, но пока без реальных последствий, которые могли бы сказаться на политическом курсе партий, входящих в это объединение.

Как мы показали в данной статье, подобный спектр реакций вполне предсказуем: он отражает особенности трехполюсной структуры партийных систем европейских государств. Особенности социального и политического позиционирования центристских партий исключают для них возможность участия в большой коалиции, поддерживающей требования, аналогичные программным требованиям «коалиции Трампа». Позиционирование право-популистских партий во многом определяется их электоральным потенциалом, т.е. зависимостью от «уязвимых» групп избирателей, по большей части настроенных антиамерикански и опасющихся негативных последствий для Европы, к которым может привести политика Трампа. Поскольку в рамках имеющейся трехполюсной структуры приход к власти правых популистов крайне маловероя-

тен, им приходится рассматривать возможность вхождения в коалицию с центристскими силами: если таковая существует, то европейские правые популисты, как правило, отказываются от любых попыток опрокинуть основы представлений европейцев о мире.

Таким образом, в современной Европе (по крайней мере, за исключением ее посткоммунистической части) нет политических сил, способных осуществить «разворот» в политике, подобный тому, что совершил Дональд Трамп в США, и у большинства избирателей, связывающих свои планы на будущее с модернизацией экономики или перераспределением социальных благ, нет потребности в таком «развороте». Однако последнее не исключает, что и центристские, и популистские партии в ближайшие годы будут активно апеллировать к примеру американского президента – как для позитивной, так и для негативной мобилизации электората в рамках обостряющейся борьбы за относительное доминирование внутри европейской трехполюсной системы.

Литература / References

Макаренко Б.И., Петров И.И. (2023). Динамика политического спектра европейских партийных систем (1990–2021) // Полис. Политические исследования. – Москва. – № 1. – С. 11–28 [Makarenko B.I., Petrov I.I. (2023). Dynamics of the spectrum of European political parties (1990–2021) [*Dinamika politicheskogo spektra evropeiskikh partiinykh sistem (1990–2021)*] // Polis. Political studies. – Moscow. – N 1. – P. 11–28]. (In Russian).

Balmer C., Amante A. (2025). Italy's Meloni torn between Trump and European allegiance // Reuters. – London. – 21.03. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/italys-meloni-torn-between-trump-european-allegiance-2025-03-21/> (date of access: 24.04.2025).

Bremer B., Rennwald L. (2023). Who still likes social democracy? The support base of social democratic parties reconsidered // Party politics. – Thousand Oaks, CA : SAGE. – Vol. 29, Issue 4. – P. 741–754.

Cleavage theory. (2021) / Marks G., Attewell D., Rovny J., Hooghe L. // The Palgrave handbook of EU crises / M. Riddervold, J. Trondal, A. Newsome (Eds.). – London : Palgrave Macmillan. – P. 173–193.

Dalton R.J. (2018). Political realignment : economics, culture, and electoral change. – Oxford : Oxford univ. press. – 286 p.

Downs A. (1957). An economic theory of political action in a democracy // J. of political economy. – Chicago, IL : Univ. of Chicago press. – Vol. 65, Issue 2. – P. 135–150.

European party politics in times of crisis. (2019) / S. Hutter, H. Kriesi (Eds.). – Cambridge : Cambridge univ. press. – 444 p.

Globalization and the transformation of the national political space: Six European countries compared. (2006) / Kriesi H., Grande E., Lachat R., Dolezal M.,

Bornschier S., Frey T. // European j. of political research. – Hoboken, NJ : Wiley-Blackwell. – Vol. 45, Issue 6. – P. 921–956.

Guillou C. (2025). Marine Le Pen timidly distances herself from Donald Trump // Le Monde. – Paris. – 06.03. – URL: https://web.archive.org/web/20250306114209/https://www.lemonde.fr/en/politics/article/2025/03/06/marine-le-pen-timidly-distances-herself-from-donald-trump_6738872_5.html (date of access: 24.04.2025).

Inglehart R.F., Norris P. (2016). Trump, Brexit, and the rise of populism : economic have-nots and cultural backlash / Harvard University ; Harvard Kennedy School. – Cambridge, MA. – 53 p. – URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications/trump-brexit-and-rise-populism-economic-have-nots-and-cultural-backlash> (date of access: 24.04.2025).

Kitschelt H., Rehm P. (2015). Party alignments : change and continuity // The politics of advanced capitalism / P. Beramendi, S. Häusermann, H. Kitschelt, H. Kriesi (Eds.). – Cambridge : Cambridge univ. press. – P. 179–201.

Koromi C. (2025). Majority of Europeans see Trump as an enemy, survey shows // Politico. – Berlin. – 20.03. – URL: <https://web.archive.org/web/20250320162652/https://www.politico.eu/article/half-europeans-see-donald-trump-as-enemy/> (date of access: 24.04.2025).

Lipset S.M., Rokkan S. (1967). Cleavage structures, party systems, and voter alignments : an introduction // Party systems, and voter alignments / S.M. Lipset, S. Rokkan (Eds.). – New York : Free Press. – P. 1–64.

McCluskey M., Shukla S. (2025). Elon Musk speaks at Germany's AfD campaign launch as thousands protest the far-right party // CNN. – Atlanta, GA. – 27.01. – URL: <https://edition.cnn.com/2025/01/25/europe/elon-musk-germany-afd-protests-intl-latam/index.html> (date of access: 24.04.2025).

Oesch D., Rennwald L. (2018). Electoral competition in Europe's new tripolar political space : class voting for the left, centre - right and radical right // European j. of political research. – Hoboken, NJ : Wiley-Blackwell. – Vol. 57, Issue 4. – P. 783–807.

Roth A. (2025). Trump and Vance are courting Europe's far right to spread their political gospel // The Guardian. – London. – 14.02. – URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2025/feb/14/trump-vance-europe-far-right> (date of access: 24.04.2025).

DOI: 10.31249/ape/2025.02.03

Petrov I.I.¹
European tripolar space
and the beginning of Donald Trump's
second presidential term

Abstract. *The article analyzes the attitude of the three «poles» of European party politics – the centre-right, the centre-left and the right-wing*

¹ **Petrov Ivan Igorevich** – PhD in Political Sciences, Lecturer, School of Politics and Governance, HSE University (iip95d@gmail.com). ORCID: 0000-0003-3856-2503.

populists – to the election of Donald Trump as the 47th President of the United States, and also considers whether a similar turnaround based on the coming to power of a «grand coalition» of dissatisfied citizens, the old middle class, and representatives of business interests, is possible in Western Europe. As a theoretical basis for explaining the rise of the «Trump coalition» in the United States, the author uses the cleavage theory, tied to the class division of society. Describing the features of institutionalization of the new global-value cleavage in Western countries, the author comes to the conclusion that the formation of a «Trump coalition» in Western European countries is extremely unlikely due to a number of structural and institutional factors, such as the coalition nature of multi-party European governments, the presence of a stable welfare state model supported by the bulk of centre-left voters, the interest of centre-right parties in modernization growth through the use of existing EU rules and institutions, and the impossibility for small EU states involved in close cooperation with each other to copy the isolationist model and make it attractive enough for a mass voter. Meanwhile, the author emphasizes that the European consensus will have long-term sustainability only in the context of gradual reform of the European model in order to prevent economic stagnation and deterioration of the situation for the majority of European citizens. To support the conclusion that the European party spectrum can only be considered in its entirety, the author carried out a qualitative content analysis of the recordings of political debates that accompanied the recent parliamentary elections in the Netherlands, France and Germany. The results of the study showed that each of the three «poles» has its own limited segment of the core electorate, which excludes the possibility of forming a winning alliance under right-wing populist slogans in most countries of the region.

Keywords: political parties, party systems, populism, European Union, Trump, elections, cleavage theory, Netherlands, France, Germany.

Статья поступила в редакцию (Received) 26.03.2025
Доработана после рецензирования (Revised) 31.03.2025
Принята к публикации (Accepted) 01.04.2025